

Мальчик был он безответный:
Всё молчал, молчал;
Всё учил его хозяин –
Да и доканал...

А. Комаров

Грустное и тяжёлое чувство налегает на сердце по прочтении заметки, помещённой в одном из московских периодических изданий, об угнетённом положении московских гостинодворских мальчиков и приказчиков. Это живо **сохранившийся остаток кабального холопства древнекабальных времён нашего Отечества***. Варварское обхождение хозяев-гостинодворцев с приказчиками и особенно с мальчиками, отдаваемыми им в кабалу, под видом приучения торговому делу, мы думаем, ни для кого не новость; но странно, что оно до сих пор как-то ускользало от внимания прессы и тех лиц, которые нашли нужным учреждение контроля над содержанием учеников фабрикантами и ремесленниками. Мы, по несчастью, никогда не смели сомневаться в полной необходимости распространения такого контроля и на мальчиков, отданных купечеству для приучения торговому делу, но до сих пор мы не решались высказать об этом нашего мнения только потому, что боялись погрешить, считая известные нам факты жестокого обращения торговцев с мальчиками, отданными им *на выучку*, общим мерилom отношений хозяев к вверяемым им детям. Теперь «Московский курьер» в 27 и 28 №№ этого года сообщает о быте московских гостинодворских мальчиков такие вещи, что, как мы сказали, сердце сжимается от ужаса и страха за эти несчастные создания, выводимые в *люди* путём холода, голода, бесприютности и затрещин.

* Здесь и далее полужирным шрифтом выделено мной; курсивом выделено у Лескова.

Коротко знакомые со взглядом русского купечества на людей, служащих его торговым делам, мы, к несчастью, лишены всякой возможности заподозрить заметку «Московского курьера» хотя в малейшем пристрастии преувеличения фактов. Напротив, мы вправе думать, что, в частности, существуют факты более грустные и возмутительные, чем те, которые взяты на выдержку автором заметки; но так или иначе, довольно того, что не нам одним известно **ничем не оправдываемое жестокосердие иных хозяев в отношении к мальчикам и крайнее пренебрежение к их нуждам и цели, с которою они отданы в лавку родителями или вообще лицами, распоряжающимися младенческими годами детей, торчащих перед лавками и магазинами с целью закликания покупателей.**

В этой школе ребёнок не учится ничему полезному. Торговые соображения по выбытии им пяти лет у хозяина так же чужды его понятиям, как **неведомы ему понятия о чести, о долге, о нравственности.** Развитие для него невозможно. Он **кабальный холоп хозяина, лакей и помыкушка приказчика и «молодца».** Им всякий орудует в свой черёд, всякий требует от него услуг и слепого повиновения на свой лад. Мальчик ни у кого не может, то есть не смеет, спросить объяснения ни одному жизненному явлению, на котором останавливается его детское внимание; он не имеет никогда в руках ни одной книги, доступной его детскому пониманию и способной хоть мало-мальски осветить его разум объяснением самых простых явлений в жизни природы и человека. **Коснение – это неизбежный удел,** и разве только одна гениальность может выбиться из этой среды, не одурев в кругу исполнения тех обязанностей, в которых пять или шесть лет остаётся торговый мальчик, пока наконец получит первый чин торговой иерархии, то есть сделается

«молодцом». И во всё время службы до этого первого чина чего не переносит несчастный ребёнок! Бьёт его хозяин, но это, впрочем, ещё не велика беда, хозяин занят делом, так ему некогда бывает драться, разве иногда так «взвошит»* с сердцов или под пьяную руку, а то «взвошивает» его приказчик, взвошивают подручные, один и другой, взвошивает и молодец, и все эти колотушки достаются как-то зверски, не в привилегированное место человеческого тела, а по голове да под «вздыхало». Спит мальчик кое-как, часто на полу, и то мало, потому что ложится позднее всех приказчиков и молодцов, а встаёт раньше их; вставши, он должен перечистить им платье, обувь, приготовить самовар, сбегать за булками, а иногда ещё за чем-нибудь для приказчика так, чтобы хозяин не сведал об этой закупке, и всё это живо, скоро, иначе «взвошат» так, что небо покажется с овчинку. В течение целого дня мальчик *не смеет садиться* (это обычай, освящённый временем и вошедший в силу закона); для отдыха **от утомительного стояния, превосходящего трудность афонского бдения**, мальчик посылается с одного конца города на другой «долги править» или разносить проданный товар, с секретною обязанностию занести иногда стянутый приказчиком из хозяйской лавки гостинец «матреске»**. Но да не подумает читатель, что доверенничество мальчика в сердечных делах приказчика смягчает сколько-нибудь их взаимные отношения. . . Ничуть не бывало, это так уж устроено, что приказчик, употребляя его в качестве фактора*** по «матресской» части, не допускает и мысли, что мальчик может его выдать, — и мальчик действительно

---

* «Взвóшивать» — таскать за волосы.

** «Матреска» — от искажённого французского слова «maitresse» — любовница.

*** Фактор — здесь в значении: посредник; доверенное лицо, выполняющее поручение.

никогда не выдаст. Он знает, что, отомсти он приказчику или молодцу за побои, которые они ему наносят «пур селапетан»*, им ничего не будет, кроме потревожения памяти их покойной родительницы напоминанием о некоторой интимности с нею, а мальчика взвошит хозяин, «зачем-де шельмец ходил», а потом уже пойдут взвошивать и тот, на кого сделан донос, и те, на кого таковые впредь учинены быть могут. А защита где? Нигде. Отец или опекун ещё порадуются, что вот, мол, парня уму-разуму учат, да ещё сами, пожалуй, набавят, не жалуйся, дескать, знай, что за одного битого двух небитых дают.

Такова-то вот жизнь, таково-то положение торгового мальчика у иного купца, доводящего его пятилетним взвошиванием *до людей*, то есть **до способности обезмыслиться, обезличиться и завернуться в узкую рамку аршинной жизни прасольства** или лабазничества*****. И тянется эта страдальческая жизнь мальчика, пока наступит радостный день вступления его в сан «молодца», и прежнее начальство уговорит его закинуть первых щенят, то есть пропить с компаниею первое жалованье, **«во оставление сухомордия и в мочимордство вечное»******.

Со вступлением в сферу плутней и обмана, составляющих специальность молодца и приказчика, начинается новая, светлая полоса жизни мальчика. Изучая надувательное искусство и прикладывая его на практике к хозяину, он на-

---

* «пур селапетан» – в значении: «для того чтобы пошевеливался, поторапливался» – от искажённого французского выражения с глаголом «sepatiner» – пошевеливаться, поторапливаться.

** Прасольство – вид торговой деятельности; от слова «прасол» – оптовый скупщик мяса и рыбы для мелкорозничной торговли.

*** Лабазничество – вид торговой деятельности; от слова «лабаз» – торговая лавка, мучной и крупяной склад; «лабазник» – торговец зерном, крупой, мукой.

**** «Сухомордие» («сухорылие») – трезвенность; «мочимордство» («мочемордие») – пьянство.

конец *выходит в люди*, заводит лавочку, делается хозяином, устраивает порядок в своей *молодцовской*, по образцу того закона, в котором сам вырос, и «взвошивает» тех, кого вверит ему родительское благоразумие для вывода в свою очередь в люди.

Не знаем мы, когда прорвётся этот отвратительный круговорот опошления русского торгового люда, а думаем, что не скоро. Наверное можно сказать, что та генерация, которую теперь ещё «взвошивают», ничего не даст хорошего, а она ещё молода, её век длинен, и кора её умственного застоя так крепка, что её не проймет никакая пропаганда. Дух религии и слова Христовы – чужды её понятиям. Люди эти ходят в храмы, но выносят оттуда воспоминание не о слове мира и любви, а об октавистых голосах, в подражание которым режут дома долголетия и анафематства. От них нечего ждать, а между тем в силу обычного течения дел они выйдут в люди, то есть откроют лавки и в свою очередь замордуют ещё одно поколение.

Этому нужно положить конец бы, особенно теперь, при эмансипации крестьян, следовало бы русскому обществу подумать об улучшении положения торгового малолетнего люда.

